

М. Н. ОРЛОВСКАЯ

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТИЙ В «СОКРОВЕННОМ СКАЗАНИИ» МОНГОЛОВ

Причастие в монгольском языке — одна из важнейших грамматических категорий, широко употребляющаяся как в письменном языке, так и в устной речи. Причастием, как известно, называется производная глагольная форма, имеющая признаки глагола и имени. Причастие образуется от любой глагольной основы и сохраняет значение действия, процесса действия или состояния.

Причастие может выступать в роли любого члена предложения: определения, дополнения, подлежащего, сказуемого, обстоятельства.

В зависимости от места, занимаемого в предложении, причастие может обозначать действующий предмет или объект действия, а также само действие.

Причастие в монгольском языке является одной из древнейших форм. Об этом свидетельствует его наличие в таком древнейшем памятнике монгольской литературы, как «Сокровенное сказание» монголов (XIII в.).

ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

1

Одну из наиболее продуктивных причастных форм представляет причастие будущего времени. В «Сокровенном сказании» наиболее употребителен суффикс причастия будущего времени *-qu* — для основы с задним гласным — *yabuqu* и *-ku* — для основы с передним гласным — *ideku*¹.

Кроме того, будущее причастие в «Сокровенном сказании» имеет еще формы на *-qui*, *-kui* и *-qun*, *-kun*, отсутствующие в современном монгольском языке².

Будущее причастие выражает действие — признак (или состояние — признак), которому надлежит совершиться в будущем: *surdaqun kuun*

¹ Однако такое соответствие не всегда выдерживается. Ср. *nišiqu* 'бить', 'понаукавать', тогда как следовало бы *nišiku* (§ 240).

² В монгольских памятниках квадратной письменности встречаются все три формы будущего причастия: на *-qu* (*-ku*), *-qui* (*-kui*) и *-qun* (*-kun*) (см. *Marian Lewicki, Les inscriptions Mongoles inédites en écriture carrée, Wilno, 1937*).

'человек, способный научиться'. Оно может обозначать также действие — признак (или состояние — признак), присущий данному предмету: *ǰebeleku mori* 'боевой конь'.

Анализ текста «Сокровенного сказания» показывает, что причастие будущего времени на *-qu*, *-ku* употребляется в различных синтаксических функциях, но наиболее часто в роли определения и сказуемого.

Определение, выраженное будущим причастием, обозначает свойство определяемого предмета или его способность к действию, выраженному в глагольной основе. Как определение причастие будущего времени связывается с определяемым словом путем примыкания, т. е. так же, как прилагательное.

Функцию определения может выполнять одиночное причастие, например: *Nokočeldeku kuun bulee* (§ 185)³ 'Был человек, достойный дружбы'.

Причастие *nokočeldeku* характеризует определяемое слово согласно тому признаку, который выражен в глагольной основе. *Ein keeulnet, jarlik dabaǰu kebeuli naidaju čerik qarǰaqun čerik medeku čerbin aldaltan bolduǰai* (§ 233) 'При таком нашем ясном повелении будем привлекать к строжайшей ответственности тех, ведающих военными делами чербиев, которые пошлют кебеулов на войну'.

Причастие *medeku* выступает определением к слову *čerbin* и характеризует последнее в зависимости от действия, которое оно производит.

Определение может быть выражено также причастием, образованным от сложных глаголов.

Сложные глаголы в монгольском языке состоят из деепричастной формы основного глагола и одного из служебных глаголов, придающих ему различные видовые оттенки.

Причастие, образованное от сложных глаголов, состоит, таким образом, из основного глагола в деепричастной форме и вспомогательного глагола в форме причастия, например: *Naran šinǰeksen-o qoina Ordo-in qoinaun iridaun ketukeljen yabuqu kuun-i lariju* (§ 229) 'Людей, которые после заката солнца будут ходить без разрешения сзади или спереди дворца, задержать'.

Здесь определение выражено причастием, образованным от основы сложного глагола. Основное значение в данном случае передается глаголом, стоящим в деепричастной форме: *ketukeljen* от *ketukelje* 'ходить поперек'. Вспомогательный глагол в форме причастия теряет свое реальное значение и употребляется в отвлеченном грамматическом значении. В приведенном примере глагол *yabuqu* придает содержанию глагола в деепричастной форме оттенок продолжительности действия. Образованное таким путем причастие состоит из двух компонентов, имеющих единое содержание и выступающих как неделимое целое, в котором вспомогательный глагол придает действию лишь видовой оттенок.

Как явствует из вышеприведенных примеров, будущее причастие в «Сокровенном сказании», выступая определением к какому-либо члену предложения, соответствует такому же причастию в современном монгольском языке.

Правда, в некоторых (сравнительно редких) случаях это соответствие нарушается. В «Сокровенном сказании» есть несколько предложений, в которых будущее причастие в определительной функции употреблено в значении прошедшего времени, например:

³ Все примеры и их переводы на русский язык приводятся по тексту «Сокровенного сказания» (перев. С. А. Козица) со ссылкой на соответствующие параграфы.

Bor(o) darasun-a ilaqdaqu Mino buruu bolba (§ 281) 'Вина моя в том, что бывал я одолеваем темным вином';

Nokoe buruu: Yosu ukai eme kuuno uke-tur oroju, Otčiqin-Abaqai ulu-sun okit abčiraulqu aljiyas bolba je (§ 281) 'Вторая вина моя состоит в тех упущениях, которые проистекли от захватов по наущению беспутных женщин, девиц из улуса дяди Отчигина';

Tus qaniyan tebčün yadaju, amin qoroqun kunketukai, keen, bulqalduqu ere tere ulu-u-bi? (§ 185) 'Разве не настоящий муж-воин тот, кто не мог покинуть своего природного государя, кто сражался для того, чтобы дать ему возможность налегке уйти и спасти свою жизнь?'

В этих трех предложениях причастия будущего времени *ilaqdaqu*, *abčiraulqu*, *bulqalduqu* характеризуют предметы с точки зрения уже совершившегося действия, т. е. они употреблены со значением прошедшего времени⁴.

В источнике встретился один случай применения в функции определения будущего причастия в сочетании с прошедшим: *bidano qaqa-čaqū qaruqsan mor mutkin yabuju olju edui ireba bi* (§ 172) 'Долго я шел по следу нашего отходившего войска. Наконец-то нашел вот!'. Для современного монгольского языка такое сочетание нехарактерно.

Как глагольно-именная категория причастие обладает формами словоизменения глагола и имени. Причастие может изменяться по падежам, сочетаться с послелогоми, принимать показатели принадлежности (притяжательные частицы).

Будущее причастие в родительном падеже служит определением предмета с указанием на его назначение или цель, например:

Udur — ujeku-in nidun Su ni — Sonosqu-in čikin (§ 138) 'Око смотрения днем. Ухо слышания ночью'. Или *Ujeku-in mino nidun, Sonosqu-in mino čikin* (§ 252) 'Око смотрения моего и ухо слышания моего'⁵.

Будущее причастие в родительном падеже с послелогоми выполняет обстоятельственные функции. Родительный падеж с послелогом *urida* 'до', 'прежде', 'перед' указывает на время действия. Такое применение будущего причастия соответствует употреблению и значению его в современном монгольском языке, например: *Naran šinkeku-in urida kebteul-e jaitaju, aqtas-turiyan qarun qonotuqai* (§ 192) 'Сдают должность кебтеулам перед закатом солнца и отправляются на ночлег к своим коням';

Tere koun ukulerun: Ene manaqar, naran urququ-in urida širqa aqta tan naiman moriteu ber huldeju yorčiba (§ 90) 'Парень отвечал: «Сегодня рано утром перед восходом солнца тут, действительно, прогоняли восемь соловых мериннов»'.

Родительный падеж с послелогом *tula* 'для того чтобы', 'так как' обозначает причину или цель действия, например:

⁴ Ср. в переводе «Сокровенного сказания» на современный монгольский язык Ц. Дамдинсурун вместо причастия будущего времени в этих предложениях употребил причастие прошедшего времени:

Boro darasun-du оругсан мину нигедүгер буругу болба (§ 281) 'Моя первая вина в том, что [я] попал под [влияние] вина';

Хојардугар — ту јосу үгеі еме күймін — ү үген — дү ороджу Отчигін абага — јиН хариј ату нар — ун дотор — а — ача кейкен абчиратулугсан нь буругу болба (§ 281) 'Во-вторых, вина моя состоит в том, что заставил увести (захватить) девушек из улуса дяди Отчигина по наущению беспутных женщин';

Убер — јин хан — і орхигу үгеі Тегјүн — ү амь — јі абуралу — јин тула бајилдугсан ере — јі кен буругушијаху буј (§ 281) 'Кто может осудить мужчину, который, не оставив своего хана, сражался, чтобы спасти его!'

⁵ В современном монгольском языке причастие в подобном случае не оформляется родительным падежом: *Ujeku nidun, sonosqu, čikin*.

Yesukai-Baadur Nekun-taije qoyar-i ukuku-in tula ein asiqiqda-qui mino yaun? (§ 130) 'Не потому ли меня и бьют так вот, что не осталось в живых ни Есугай-Баатура, ни Некун-Тайчжия';

Van-qan eikeiyen Qurcaqus-Buiruq-qan-o deuneriy-n alaqu-in tula Kur-qan abaqa-lua-ban bulqa bolulcaju (§ 150) 'Ван-хан убил младших братьев отца своего Хурчахус-Буируха. Из-за этого он вступил в борьбу со своим дядей Гурханом';

Bida-uruq-iyar-iyen Yeke Eye baralduqsan-i Belkutai-in jaaqu-in tula, bidan-o cirit masi sanšiyaba (§ 154) 'Вследствие того, что Бельгугтай разгласил постановление Великого Семейного Совета, наши войска понесли большие потери';

Во всех этих примерах будущее причастие в родительном падеже с послелогом *tula* обозначает причину уже совершившегося действия. т. е. употребляется в значении прошедшего времени.

В современном монгольском языке в таком случае вместо будущего причастия следовало бы употребить прошедшее причастие или иную глагольную форму.

Будущее причастие в родительном падеже с послелогом *tula* обозначает также цель действия, например: *Sologya bolju sonosqu-in tula Unen bolju Ujeku-in tula* (§ 103) 'Чтобы слышать, кротом становится, чтобы видеть, в хорька обращается';

Как известно, в современном монгольском языке послелог *tula* управляет не только родительным падежом, но и основой. Если в «Сокровенном сказании» *tula*, управляя родительным падежом, обозначает как причину действия, так и его цель, то в современном языке здесь имеется различие. Родительный падеж с послелогом *tula* указывает цель действия, тогда как основа с этим послелогом обозначает причину действия⁶.

В предложении: *Naran šiykeku-eče urququ-da kurtele dain irken bi* (§ 260) 'А ведь у нас — всюду враг от заката солнца и до восхода его' — причастия в исходном и дательном-местном падежах употреблены в субстантивном значении. Они обозначают название действия, сближаясь в этом смысле с отглагольными именами существительными.

Будущее причастие в дательном-местном падеже указывает время совершения действия, например: *Qoaygotadai Caraqa-ebuken otču itgaqu-tur, Tодоен-Кирте ukulerun* (§ 72) 'Когда хонхотанский Чарха-ебуген поехал их уговаривать, Тодоев-Гиртай отвечал';

В предложении: *Tide irken ukulrun: «Kuun ber morin ber, čino suraqu-tur adali biyu»* (§ 31) 'Люди те отвечали: тут есть и человек и конь как раз такие, как ты спрашиваешь' (буквально: 'одинаковые с твоим спрашиванием') — будущее причастие в дательном-местном падеже выступает в функции дополнения.

Причастие с окончанием соединительного падежа обозначает время совершения действия, указывая на одновременность действия главного и придаточного сказуемого, например:

Belqutai baraun euden-ber oroqu-lua, ke ino nabtarqai nkei deeltai jaoun euden ber qaruat (§ 112) 'В то время как Бельгугтай входил в правую дверь, мать его в рваном овчинном тулупе ушла через левую половину двери';

Činčis-qaqan-ni ujeku-lue, aqan ilukai-iyen jauba (§ 140) 'Чингис-хан взглянул на него и прикусил нижнюю губу';

⁶ Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, М., 1953, стр. 212—215.

Будущее причастие с окончанием соединительного падежа явилось родоначальником условного деепричастия с окончанием *-хула (хүле)*. На это обращали внимание многие исследователи монгольских языков.

Так, А. Попов писал, что в калмыцком языке будущее причастие с сокращенным послеречием *луга* употребляется для выражения условного наклонения⁷. А. Бобровников также отмечал, что «условные формы в разговорном языке часто заменяются соединительным падежом будущего причастия»⁸. В. Л. Котвич прямо указывал, что «окончание *-хула (-хүле)* — это соединительный падеж причастия будущего времени»⁹.

Будущее причастие в винительном падеже выполняет функцию прямого дополнения, например: *Ordo Ker-tur oroqu qarqu-i Qoan-qortai, Siraqan tan jasaut k bteul-lue qantu jasatuqai* (§ 278) 'За входом и выходом из дворца наблюдают совместно с кебтеулами ясаулы Хонхортой и Ширхан с товарищами'. Здесь будущее причастие в винительном падеже обозначает процесс действия и является прямым дополнением.

Если причастие в винительном падеже имеет свой логический субъект (который может и подразумеваться), а также другие второстепенные члены, то оно выступает в роли развернутого прямого дополнения или дополнительного причастного оборота.

Приведем примеры: *Yeke daouar quilan uilan baiqu-i Ciŋkis-qaqan oesun ŋonoŋču: «} aun kuun-no eme tein qailan biyu?» keen, asaura kuun ileba* (§ 146) 'Сам слыша её вопли (слыша, что она рыдает. — М. О.), Чингис-хан послал человека спросить, что это за женщина так голосит';

Aisuga jaura, niŋan yadau kuun koun-been kololju yabuqu-i jolqaju (§ 14) 'По дороге встречается ему какой-то бедняк, который ведет за собой своего сынишку';

Otciŋin-o uilaqu-i ufeju, nilbusu aldaat ukulerun (§ 245) 'Слезы закапали у нее из глаз, как только увидела она, что Отчигин в самом деле плачет, и она заговорила'. В этих предложениях будущие причастия в винительном падеже обозначают процесс действия и выступают в роли развернутых прямых дополнений или дополнительных причастных оборотов.

Обозначая название действующего лица, название процесса или результата действия, будущее причастие может служить в предложении подлежащим.

В предложениях: *Uilaqdaqu čino usut oloan ketuluba* (§ 56) 'Оплакиваемый твой много вод перебродил'; *Teberiku čino dabaat oloan dababa* (§ 56) 'Лобызаемый твой много перевалов перевалил' — будущие причастия *uilaqdaqu* и *teberiku* обозначают субъект действия, характеризуются тем значением, которое выражено в соответствующей глагольной основе. Местоимение *čino* 'твой', стоящее после соответствующих причастий, показывает, что эти причастия употреблены субстантивно и не могут быть определениями к следующим за ними именам существительным.

В предложениях: *Elči ileku minoi buruu* (§ 245) 'Я назначил посла неправильно' (буквально: 'мое назначение посла ошибочно'); *So-*

⁷ А. Попов, Грамматика калмыцкого языка, Казань, 1847, стр. 165.

⁸ А. Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, Казань, 1849, стр. 144.

⁹ В. Л. Котвич, Лекции по грамматике монгольского языка, СПб., 1902, стр. 116 (ср. объяснение последовательного деепричастия с окончанием *-xlār* у G. I. Ramstedt'a, Über die Konjugation..., S. 113—115).

gor elčin-iyen ileku čino job bi? (§ 245) 'А вправе ты был посылать своего посла Сохора?' (буквально: 'правильно ли твое назначение своего посла Сохора?') — причастие *ileku* обозначает название действия, которое уже совершилось. Следовательно, будущее причастие употреблено в значении прошедшего.

Пожалуй, наиболее распространено в «Сокровенном сказании» причастие будущего времени на *-qu*, *-ku* в функции простого и составного сказуемого. Сказуемое, выраженное причастием будущего времени, обозначает действие, которое будет иметь место в будущем и совершение которого является до некоторой степени неопределенным. В «Сокровенном сказании» можно найти большое количество примеров употребления будущего причастия в качестве сказуемого. В современном монгольском языке будущее причастие чаще всего сопровождается какой-либо связкой, например:

Teb-Tejkeri edoe ireku (§ 245) 'Теб-Тенгри ужо явится?';

Koundun aqa ayalaasu, čerik arbin qarqu (§ 270) 'По отправке в поход старших сыновей получится изрядное войско';

Či qačaar oduasu ĵaura čeriuť samaoui čaq-tur čimaber ulu aulqu, oki taki čino samaouragu (§ 197) 'Если ты поедешь как есть один, то в дороге в такое-то смутное военное время не только тебя самого в живых не оставят, но также и с дочерью твоей может случиться недоброе'.

Причастие на *-qu* (*-ku*) в качестве сказуемого встречается и в монгольских памятниках квадратной письменности, как это видно по опубликованным источникам, а также в бурятском и ойратском языках¹⁰.

Особенностью языка «Сокровенного сказания» является частое применение частицы отрицания *ulu* (совр. *ул*) 'не' с причастием будущего времени. Известно, что в современном монгольском языке эта отрицательная частица употребляется преимущественно с изъявительными формами, к тому же весьма редко. С будущим причастием теперь, как правило, употребляется отрицание *гүй*. В «Сокровенном сказании» только дважды встречалось отрицание *ukai* (совр. *гүй*) с будущим причастием:

Tede irken Bodončar-i «kenoi ba yaunoai be?» keen asaggu ukai (§ 29) 'Те люди у Бодончара не спрашивали, откуда и кто он';

«Yaun irken?» keen asaulčagu ukai yabulduba (§ 29) 'Что за люди?', — взаимно не пытался узнать'.

Во всех остальных случаях отрицанием при будущем причастии является *ulu*, например:

Čatqulaŋ moqai-a širquasu ulu bolqu (§ 102) 'И сытому змею не проползти';

Qasar ukulerun: «Či ulu čidaqu bi nekesu!» keeba Temujin ukulerun: «Ta ulu čidaqu bi nekesu!» keeju (§ 90) 'Хасар говорит: «Ты не справишься, в погоню отправлюсь я» '«Вам не справиться, — говорит Темучжин, — погонюсь-ка я»';

Temujin natai ulu ukulku! (§ 149) 'Темучжин не погубит меня';

Qailaasu, qaraiju ulu ujeku čimayi Qaibaasu, hauluqaqa ino ulu otuqu či (§ 56) 'Сколько ни голоси — он не бросится взглянуть на тебя; сколько ни ищи — его и след простыл' (дословно: «ты не найдешь его следа»).

¹⁰ А. Орлов, Грамматика монголо-бурятского разговорного языка, Казань, 1878, стр. 179; Г. Д. Санжеев, Грамматика калмыцкого языка, М.—Л., 1940, стр. 102; его же, Грамматика бурят-монгольского языка, М.—Л., 1941, стр. 139.

Перед будущим причастием могут стоять вопросительные частицы *yau?* 'что?', *kedui?* 'сколько?', *ker?* 'как?' и др., например:

Tere tusa-i sai setkiju, uruqun uruqa kurtele ker umartagdaqu? (§ 204) 'И одну памятную заслугу как забыть и потомкам потомков?'
Ese nepdeesu tan-a yau bolqu? (§ 166) 'Что с вами станется, если вы не опередите его?'

Kenе-ber, yekin medeulku? (§ 167) 'Кому и как будет передан (улус)?'

Ende yekin baiqu? (§ 90) 'Чего же я буду стоять тут?'

Следует отметить также единственный в тексте случай употребления будущего причастия в функции сказуемого в значении прошедшего времени:

Oljeu keeju abqu bi? (§ 92) 'Разве я за барышом гнался?'

Часто будущее причастие служит именной частью составного сказуемого, например:

Mongo ungo jirgalaᅇ debsen qurimlan jirgagu bulee (§ 57) 'И пошло у монголов веселье с пирами и плясками';

Jurčedai-i undur aula-in nemur-a metu seteiᅇju yabuqu bulee bi (§ 208) 'Я чувствовал себя с Чжурчедаем как за сенью высокой горы' (буквально: 'шел, мысля Чжурчедая подобно укрытию высокой горы');

Esuk-iyen sueni-de udur čaitala buleku bulee (§ 85) 'Всю ночь до рассвета пахтали кумыс'.

Связка прошедшего времени *bulee* придает сказуемому, выраженному будущим причастием, дополнительный временной оттенок. В таких случаях причастием оформляется прошедшее длительное действие. Употребление будущего причастия со связкой сохранилось и в современном монгольском языке.

В качестве связки, кроме *bulee* 'был', употребляются глаголы *bol-a* 'становиться' (его деепричастные формы *bolju*, *bolun* 'став') и *ajuu*:

Boro guladu Borčin sono Bariqu bolba (§ 200) 'Мышеловка серая курчавую утку собралась словить';

Didiq-Saqal-un Nekun-usun-a Van-qan qanqaju oroqu bolun (§ 188) 'Ван-хан подошел к речке Некун-усун в урочище Дидик-Сахал';

Bidan-o uruq an-dur oduasu alaun-a baiju, eenekčē qoimar qaraqū ajuu (§ 165) 'Ведь нашей-то родне придется, пожалуй, сидеть у вас около порога, да только невзначай поглядывать в передний угол'.

Сказуемое может быть выражено будущим причастием в сочетании со словами *yosutai* (совр. *эстой*), *duratu* (совр. *дуртай*), имеющими модальное значение желания, необходимости или долженствования, например: *Uriju ulu oktekuᅇ moᅇtai čī Učiraasu idekuᅇ yosutai čī, Kureju ulu oktekuᅇ čī, Kurteesu idekuᅇ yosutai čī!* (§ 71) 'Хоть бы и позвали, так не стоит давать. Ешь, что найдется! Хоть бы и просили, так не стоит давать. Ешь, что придется!'

Dan-tur oroqu duratu bulee (§ 145) 'Хотел пойти к вам'.

2

Наряду с формой будущего причастия на *-qu*, *-ku* в «Сокровенном сказании» употребляется ее разновидность на *-qui*, *-kui*.

Как и первая, форма на *-qui*, *-kui* может быть определением к тому или иному члену предложения, например: *Ečike koun keel-dukiᅇ yosu teimu* (§ 164). 'Обряд усыновления состоял в том'. В данном примере форма будущего причастия обозначает событие, которое уже имело место.

В предложении: *Dekdeksen juruken-i Derke nokor bolju Todeeju(u)*. *Debulkui togoan-i Delekai šinaqa bolju amurliuldaju(u)* (§ 277) 'Зато, что они) уняли трепетавшее сердце, как дорогие друзья мои, и, словно большой ковш, поуспокоили бурливший котёл' — будущее причастие *debulkui* 'бурливший' употреблено в значении прошедшего, т. е. так же, как и причастие прошедшего времени *dekdeksen* 'трепетавшее'.

Ulu šinġekui idee idelduju, ulu umartaqu ukēs ukulelduju (§ 201) 'Ели пищу, которой не свариться, говорили речи, которым не забыться'. Интересно, что здесь однородные определения к дополнениям выражены разными формами будущего причастия. В первом случае — формой на *-kui* — *šinġekui*, во втором — формой на *-qu* — *umartaqu*.

В предложении: *Kučutu, omogtu Kučuluk Kuralčekui alalduqui udur Maqa ene omogiyan bu talbituqai* (§ 194) 'О, мой могучий, отважный Кучлук! Пусть он отваги своей не покинет в день, когда в битве сойдемся с врагом' — рядом стоят два будущих причастия, являющихся определениями к слову *udur*. *Čimai ein jiruke yadaqui-i medeksen boesu* (§ 194) 'Если б только знали, что ты такой трус' (буквально: 'если б только знали твоего сердца неумение'). В этом примере причастие в винительном падеже *yadaqui-i* выступает в функции развернутого прямого дополнения, обозначая действие — признак, присущий данному предмету.

В предложении: *Temujin-i buku-i ukai ese uqabai* (§ 100) 'Темужин дома ли, нет ли — того не знаю' — в винительном падеже стоит причастие *bukui* (в данном примере дополнение), тогда как в современном монгольском языке винительным падежом должно было бы быть оформлено только слово *ukai*.

В двух случаях причастие в подобной функции оказалось без показателя винительного падежа: *Duwa-Sogor Burqan-qaldun deereče garaju Tunġelik qoragan uruu nikan bölek irkan nouju oroju aisugui qaraju ujeju* (§ 5) 'Наблюдая с высоты Бурхан-Халдуна, Дува-Сохор усмотрел, что вниз по течению речки Тенгелик подкочевывает какая-то группа людей';

Yesukai quda ene jaoudun mino čimaġi ele kou-been uduritču irekui ujeksen aġuu (§ 63) 'Вижу: подъезжаешь, сват Есугай, ты со своим сыном'.

Можно предположить, что в этих предложениях будущее причастие дано в форме на *-qu*, *-ku*. Тогда *-i* будет показателем винительного падежа, а, возможно, последний оказался опущенным.

Причастие с родительным падежом и послелогом *urida* 'до' указывает на время совершения действия, например: *Dalan-nemurkes baılduju qatqulduqui-in urida Činġis-qaqan jasaq ukulelduren* (§ 156) 'Прежде чем вступить в битву в урочище Далан-Немургес, Чингис-хан установил такое правило'.

В современном монгольском языке послелог *ġaura* (*зуур*) 'по', 'в', 'во время' управляет родительным падежом или основой. В тексте «Сокровенного сказания» встретились только такие примеры, где этот послелог управляет основой будущего причастия, например: *idee idekui ġaura* (§ 268) 'за каждым обедом' (буквально: 'во время обеда'); *Sueni-de sandurču aisugui ġaura mun tende baouġu qonoba* (§ 110) 'Заночевали они на тех же местах, где ночь застигла их беспорядочное бегство' (буквально: 'во время бегства'). В этих двух предложениях будущее причастие в послелогом *ġaura* обозначает время совершения данного действия.

Будущее причастие с исходным падежом показывает причину действия: *Hulaan niur-iyān Ubčikdekui-eče Urtu setkiltu anda-iyān Unen čirai ujen yadaju yabuba je bi* (§ 201) 'И будто бы содрана была кожа с моего красного лица, и я не мог выносить горячего взгляда хана, анды моего' (буквально: 'из-за того, что была содрана кожа с моего красного лица').

В предложении: *Jerkin-e irekdekui-eče jirqaan udut kuliečeju* (§ 133) 'Они прождали чжуркинцев лишние шесть дней против того срока, в который тем следовало явиться' — причастие в исходном падеже обозначает действие, которое должно было произойти (но не произошло) и явилось причиной другого действия: «из-за того, что чжуркинцы должны были прийти, их ждали шесть дней».

Будущее причастие на *-qui*, *-kui* чаще других окончаний принимает окончание дательного-местного падежа *-tur*, обозначающее время, место, какого-либо действия, например:

Ečike čino Čaqaŋ-ġoa, Mino etune kičieju qatqulduqu bolun, Dalan-Baljut-ta qatqulduqui-tur Januga-da ataqdalua (§ 218) 'Твой отец, Чаган-гоа, пал в бою при Далан-Балчжутах от Чжамухи, пал, ревностно сражаясь пред моими очами';

Teb-Tenkeri-in maqalai, barilduqui-tur ġulu(m)ta teriun-e unaba (§ 245) 'Во время борьбы Теб-генгриева шапка упала перед самым очагом';

Tere auljaqui-tur Čingis-qaqaŋ dotore dura bulgaba (§ 267) 'Во время же этой аудиенции Чингис-хан почувствовал себя дурно';

Tendeče ġariju, Burqi-erki-de bukui-tur (§ 97) 'Когда, возвратясь оттуда, находились у подмытых яров'.

В двух нижеследующих примерах причастие с *-tur* обозначает время действия с оттенком причинности:

Temujin-i torokui-tur buluqaŋ nelke okulee bi (§ 97) 'По случаю рождения Темучжина поднес соболями пеленки';

Čingis-qaqaŋ Tooril-qaŋ ġoġar ġantu čerik eusču Ulja huruu Vanġin-Činsyaŋ-lua qaŋsan aisuqui-tur Ulja-in Qusutu-Šituen Naratu-šituen-e Tatar-un Mekuŋin teriuten Tatar tende ġorqa barijuui (§ 133) 'Ввиду продвижения Чингис-хана и Тоорилхана на соединение с Вангин-Чинсяном, Мугужин и прочие татары укрепились в урочище Хусуту-Шитуюн и Нарату-Шитуюн'.

Значительно реже встречается эта причастная форма с окончанием местного падежа *-a*, *-ə*, которое, как писал А. Бобровников, употреблялось только в книжном языке и полагалось после букв согласных¹¹.

В «Сокровенном сказании» причастие на *-qui*, *-kui* в местном падеже имеет форму на *-quya*, *-kuye*, например: *Čerikun tootu kuun jiruke yadaasu, nišiquya ere-tur harban musut urkeulju* (§ 240) 'Когда и лучшие из ратников стали колебаться, [он] приказал [отборным] ратникам нести по десяти прутьев для понукания [отстающих]'. Будущее причастие в местном падеже *nišiquya* имеет значение 'для того, чтобы бить, понукать'. В предложении оно характеризует предмет с точки зрения его назначения.

Nokoe uile Mino. Elčin Bidano ġaura otorlen haulqui basa kerek-ġaraq joeulkuje ġamut talbiulba (§ 281) 'Во-вторых, я учредил почтовые станции для ускорения передвижения наших послов, а также и для осуществления (быстрейшей) доставки всего необходимого'. Причастие в местном падеже *joeulkuje* имеет значение 'для того, чтобы до-

¹¹ А. Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, стр. 96.

ставлять'. Оно определяет назначение предмета: ямы (т. е. почтовые станции) были учреждены с целью доставки необходимых предметов.

В предложениях: *Šibuke-de gatququya čolo ukaiu. Tebene-de gatququya čolo ukaiu* (§ 195) 'Нет отверстия — шилом кольнуть, нет отверстия — иглою кольнуть'; *Qor aqsaquya turqudun kešik kešik qorčiniyan tein aqalažu orotuqai* (§ 225) 'Под своим же начальством вводить в каждую очередь и смену тархаутов для ношения сайдаков' — причастия в местном падеже *gatququya* и *aqsaquya*, так же как и в предыдущих предложениях, характеризуют предметы по тому назначению или цели, которые выражены в глагольных основах.

Этими, может быть, еще двумя-тремя предложениями, пожалуй, исчерпываются примеры употребления будущего причастия в местном падеже.

Причастие на *-qui, -kui* довольно часто применяется с окончанием соединительного падежа *-lua* || *-lue*, отсутствующим в современном халхасском языке.

В таких случаях причастие обозначает время действия, одновременно с которым или вслед за которым происходит другое действие, например:

Ciledu qošiun qučilis qariju tergenduriyen irekui-lue, tende Hoelun-Ujin ukulerun (§ 55) 'Когда Чиледу, объехав мыс, вернулся к своему возку, Оэлун-Учжин говорит ему';

Tedui ireet boljal qajar-a Arqal-kouki-de kurkui-lue barua yeke-i uježu, Iturken-elčin qarin dutaaju, Qariudarun morin qurdun ajun (§ 184). 'Подъезжая к условленному месту, к урочищу Аргалгоуги, Итурген сразу заметил там как будто бы большое скопление людей и круто поворотил назад, но у Хариудара была быстрая лошадь';

Teb-Tejkeri tusurke-in baraun eteet sangui-lua, Otčiqin Teb-Tejkeri-in jaqa bariju (§ 245) 'Тиб-Тенгрий усаживается справа от Винницы, но тут же Отчигин хватает его за ворот';

Ker-tur irežu oroqui-lua Ujin-cke qoyar kaukeduen čirai uqaju ukulerun (§ 78) 'Как только они вернулись домой, мать Учжин сразу же поняла все по лицам обоих своих сыновей и проговорила'.

Будущее причастие на *-qui, -kui* может употребляться субстантивно, имея отвлеченное значение действия или процесса действия, например: *Serekui ber tano Jobl* (§ 20) 'Подозрения-то ваши основательны';

Qai, ene Nayaa-tur učiraqui mano sain bolba (§ 197) 'Может быть, встреча с Наяа нас и спасла'. В этих двух предложениях будущие причастия *serekui* и *učiraqui* выступают в роли подлежащего. В первом предложении показателем подлежащего является *ber*¹². Во втором предложении показателем подлежащего служит местоимение *mana*.

В предложении: *Mun-ele ukukui-dur-ijen dere abun ukusul* (§ 149) 'А раз все равно умереть, так умру-ка лучше на подушке' (буквально:

¹² В ранних монгольских текстах нередки случаи употребления *ber* в качестве показателя подлежащего (ср. *Kuun ber, morin ber čino suraqu-tur adali biyu* (§ 31) 'Тут есть человек и конь, как раз такие, как ты спрашиваешь'). Это явление некоторые монголоеды связывают с заимствованием из тибетского языка, содержащего эргативную конструкцию, согласно которой подлежащее в переходных предложениях оформляется эргативным падежом, по форме совпадающим с монгольским орудным (см. конд. диссертацию К. С. Исченков, Падежное оформление субъекта и объекта в различных оборотах современного монгольского языка, М., 1952, стр. 128—130).

Считая употребление частицы *ber* в монгольском языке результатом «подражания тибетскому языку», А. Бобровников тем не менее отмечал, что «частица *ber* встречается в письмах Аргун-хана Улджейт-хана и в квадратных памятниках, где нельзя предполагать никакого подражания тибетскому языку» (А. Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, стр. 182).

‘в этом своем умирании, подушку взяв, умру’) — причастие *ukukui* стоит в дательном-местном падеже с безличным притяжением *-iyen* и является дополнением.

В предложении: *Bidan-tur yabuqui-iyen berkesien ajuu* (§ 278) ‘Признается нежелаящим служить у нас’ (буквально: ‘к нам свое хождение считает затруднительным’) — причастие *yabuqui* с безличным притяжением *-iyen* выступает в роли прямого дополнения, обозначая название процесса действия.

Гудущее причастие на *-qui*, *-kui* может выполнять и предикативную функцию, которая, однако, свойственна ему меньше, чем какая-либо другая. В этом, пожалуй, и состоит основное отличие этой формы от формы на *-qu*, *-ku*. В качестве сказуемого форма на *-qui*, *-kui* встретила всего в нескольких примерах, причем только в вопросительных предложениях, например:

Aga-Deu oloan aqta kešik čiluas, undan tere tudun irkenecē ker qubči-qdaqui? (§ 279) ‘Как можно допустить такой порядок, когда с народа же в каждом отдельном случае взимается питьевая натуральная повинность — ундун — при сборах с него очередных нарядов людьми и лошадьми?’;

Nere ukai ker ukukekui? (§ 80) ‘Ужели довести себя до бесславной смерти?’

Je, tele! Eimu yeke ukuleulju ker ičugdaqui? (§ 265) ‘Как можно думать об отступлении, снеся такие оскорбительные речи?’

В источнике было найдено несколько примеров употребления этой формы в роли именной части составного сказуемого:

Antaqai-qačan-ni ukuleu či, keču, Hoelun-ne kūrtele ein keekdekui bolbi (§ 71) ‘Не потому ли, что скончался Амагай-хаган, даже и Оэлун смеет с нами так говорить’;

Cima qairan Koseu-Sabraqa-otoledkui yaun čerikun bidano jasaq sulberkui bolbi (§ 194) ‘Устарел у тебя бедняга Коксу-Сабрах, и что за негодное управление стало у нашего войска!’

Некоторые языковеды связывают употребление причастных форм на *-qu*, *-qui* с категорией рода: *-qu* для мужского рода, *-qui* для женского рода¹³. Теоретически предполагается, что глагол должен иметь форму женского рода: 1) когда подлежащее — женского рода; 2) когда прямое дополнение — женского рода; 3) когда предмет или лицо, в пользу или во вред которого совершается действие, — женского рода¹⁴.

В некоторых случаях, действительно, такое соответствие наблюдается, например:

Sira noqai metu šičabaljažu garqu bulee (§ 21) ‘Уходит, процарапываясь, словно желтый пес’. Речь идет о предмете мужского рода, причастие оканчивается на *-qu*. В следующих предложениях: *Hoelun-ne Kūrtele ein keekdekui bolbi* (§ 71) ‘Даже и Оэлун смеет с нами так говорить’; *Nadača ekeči, Yesui nere lei, nadača deere qan kuun-e joququi ajiai je* (§ 155) ‘Но ведь более меня достойна быть ханшей моя старшая сестра по имени Есуй’; *Edoe koudiyen niur ker ujekui bi?* (§ 112) ‘Как же мне теперь смотреть в лицо своим сыновьям?’ (говорит женщина) — налицо имеется женский род, и причастие имеет форму на *-qui*, *-kui*.

Однако такое соответствие встречается не часто.

¹³ *Gerhard Doerfer, Beiträge zur Syntax der Sprache der Geheimen Geschichte der Mongolen, «Central Asiatic Journal», vol. I, № 4, S. 219—267.*

¹⁴ *Ibid.*, S. 250, 251.

И при наличии женского рода сказуемое, выраженное будущим причастием, может иметь окончание **-qu**, например:

Oloan-tasu quyüülju okbesu, deejilekdeku, čoen-taou quyüülju okbesu doranjilaqdaqu (§ 166) 'В том ли честь, чтоб отдать после долгих сговоров, да и бесчестье ль в том, чтоб по первому слову отдать?' (Речь идет о выдаче девушки замуж.);

Okin kuun-no jayaan torekxen euden-tur otolku ukai (§ 66) 'То не женская доля — состариться у родительского порога';

Qoaqčïn-emeken boere alağ huker-iyen deleduet, oterlen neuķu bolun (§ 101) 'Старуха Хоахчин принялась хлестать, подгонять свою рябую корову';

Ekem-eče tano tataju Ere-lue sačaun ken-e (ker) bolqaqu? (§ 254) 'Мать ваша все бывало думает, как бы вас за плечи вытянуть да с мужами поровнять' (буквально: 'как сделать равными').

С другой стороны, и при отсутствии в предложении женского рода сказуемое может быть выражено причастием на **-qui**, **-kui**, например:

Nere ukai ker ukukekui? (§ 80) 'Ужели довести себя до бесславной смерти?';

Aga-Deu oloan aqta keşik čiluasu, undan tere tudun irkeneče ker qub-čiqdaqui (§ 279) 'Как можно допустить такой порядок, когда с народа же в каждом отдельном случае взимается и питьевая натуральная повинность — ундун — при сборах с него очередных нарядов людьми и лошадьми?';

Je, tele! Eimi yeke ukuleulju, ker ičuqdaqui? (§ 265) 'Как можно думать об отступлении, снеся такие оскорбительные речи?';

Čima qairan Kokseu-Sabrağ-a otoledkui, yaun čerikun bidano jaşaq sulberkui bolbi (§ 194) 'Устарел у тебя бедняга Коксеу-Сабрах, и что за негодное управление стало у нашего войска!';

Tatar-un Temujin-Uke-i abčirağsan-tur toreba, keen Temujin nere okkui teimu (§ 59) 'Рождение его совпало с приводом татарского Темучжин-Уге, его и нарекли поэтому Темучжином'.

Следовательно, вряд ли есть основание считать, что употребление причастия на **-qui** связано с наличием женского рода, а причастия на **-qu** — с присутствием в предложении мужского рода. Это, возможно, составляло особенность языка более раннего периода, но для «Сокровенного сказания» не характерно.

3

Причастие на **-qun**, **-kun** представляет собой форму множественного числа¹⁵ от причастия на **-qu**, **-ku**. Эта форма была наиболее употребительна в атрибутивной и предикативной функциях. В современном монгольском языке она отсутствует.

Как уже разобранные выше формы причастия, она может служить определением того или иного члена предложения. Приведем здесь некоторые примеры:

Kešteulun dekeun yabuqun haran-i kešteul barituqai (§ 229) 'Людей, проходящих мимо кебтеулов, кебтеул должен задержать';

Euden dariju baiqsat kešteul sueni oroqun haran-i ekil ano murus ano bautala čabčiju oorutqun (§ 229) 'Кебтеулы, стоящие на страже у ворот, обязаны рубить голову по самые плечи всякому, кто попытается ночью проникнуть во дворец';

¹⁵ См., например, *E. Haenisch, Grammatiche Besonderheiten in der Sprache des Mongol in niuca Tobca'an, «Studia Orientalia», vol. XIV, Helsinki, 1950, S. 9.*

Qilijlaasu oerun mese-duriyen ukukun irken tede (§ 270) 'Это такие люди, которые в ярости принимают смерть, бросаясь на собственные мечи'.

В отличие от форм на *-qu*, *-ku* и *-qui*, *-kui* форма на *-qun*, *-kun* не часто употребляется с падежными окончаниями и послелогом.

В «Сокровенном сказании» эта форма встретилась только в винительном и родительном падежах, например: *Teun-o qoinača duyalju toorigaju aisugun-i ujeju, basa Tayan-gan Jamuqa-dača asačui* (§ 195) 'Тут заметил [Таян-хан], что вслед за ними, ликуя, мчатся и окружают их [витязи]. И спросил Таян-хан Чжамуху'. В этом предложении будущее причастие в винительном падеже обозначает процесс действия и образует причастный дополнительный оборот.

В предложении: *Kehteul-tur oroqun-i bu itgatuqai keen jarliq bolba* (§ 225) 'При этом повелено никому не возбранять вступление в кебтеулы' — причастие в винительном падеже обозначает название процесса действия в отвлеченной форме.

Форма будущего причастия в родительном падеже встретилась лишь один раз: *Qaraun-ŷidun-i derelekun-o tumen mededukai keen jarliq bolbi* (§ 206) 'Пусть ведает тьмою, примыкающей к хараун-чжидуну'. Здесь причастие в родительном падеже служит определением к слову *tumen*.

В другом примере: *Kehteul sueni ker horčın kebtekuniyan kebteulju, euden-tur baiquniyan keşiklen baiultuqai* (§ 192) 'Кебтеулы, оставив кого следует на дежурство при вратах, несут ночную караульную службу вокруг дома' — причастия *kebtekun* и *baiqun* с безличным притяжанием *-iyan* употреблены субстантивно, обозначая процесс действия в отвлеченной форме.

Наиболее распространено употребление этой формы в качестве предикатива.

Как и предыдущие две формы, она может выступать как окончательная форма сказуемого: *Čerikiyen ŷasaldun ŷau čidaqun?* (§ 170) 'Как можно [вместе с ним] править своим войском!';

Osüeliyen ker osuekun? Hači-iyen ker hačilaqun bida (§ 105) 'Как выместить свою месть? Как же воздадим воздаяние свое?'

Если подлежащее в таких предложениях выражено местоимением, то оно, как правило, стоит после сказуемого, т. е. в конце предложения, например:

Teŷkeri-de ulu taataqdaqun bida! (§ 167) 'Не будет к нам благоволения неба' (дословно: 'мы не будем благодетельствованы небом');

Edoe qaraŷqui süni (sueni) ker olqun bida? (§ 83) 'Как можем мы найти его темной ночью?';

Tüel metu ulus čino ken-e medeulkun tede? (§ 245) 'Кому же дадут они править царством разбитым твоим?';

Kene-ber qilbara ququldaqun ta Kene-ber qilbara yekin bolqun ta? (§ 22) 'Вы легко можете быть сломлены всяким. Как можете стать чьей-либо легкой добычей?'

В составных сказуемых форма на *-qun* является именной частью в сочетании со связками *bulee* (*buleai*), например:

Sueni (süni) konŷile-dun qačča qonolduqun bulee (§ 117) 'Ночью по обычаю спали под одним одеялом?';

Jamuqa, Altan, Qučar tan-o bolqdaqun bulei (§ 246) 'Давно бы с вами было поступлено по образцу Чжамухи да Алтана с Хучаром';

Ajuui: Mut Buiruq-gan Quduga qoyar ŷada medekun ajuui (§ 143) 'Тут оказалось, что эти самые Буирух и Худук могут волшебством вызывать ненастье';

bolba: Čingkiš-qaqano kiluedeče doan Teb-Teŋkeri-tur duriqun bolba (§ 245) 'Тут и от чингис-хановой коновязи многие подумывали уйти к Теб-Тенгрию';

buqu je: Mino ulus Altan Qučar qoyar keke-ber ulu medeulkun buqu je (§ 180) 'Ведь моего улуса Алтан с Хучаром, конечное дело, никому не дадут'.

Как уже указывалось, причастие на *-qun*, *-kun* представляет собой форму множественного числа причастия будущего времени.

Однако оно не всегда может быть связано с множественным числом. Так, в примере: *Boroqul tere uke-tur ireesu, qatqulduqun buleai* (§ 173) 'Когда Борохул дошел до этих слов [он] все продолжал стоять наготовке к бою' — причастие имеет форму множественного числа, тогда как подлежащее стоит в единственном числе.

В предложении: *Ujeet idekui ulu serkuulun noukun bolba ta!* (§ 70) 'Да, видно, вы способны есть на глазах у людей, способны и укочевать без предупреждения' — при одном и том же подлежащем имеются разные формы причастия: *idekui* — единственное число; *noukun* — множественное число.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что в языке монголов XIII в. будущее причастие имело три формы, оканчивающиеся на: *-qu (-ku)*, *-qui (-kui)* и *-qun (-kun)*.

Формы на *-qu (-ku)* и *-qui (-kui)* в большинстве случаев применялись в одинаковых значениях и выполняли одни функции. Они могли быть любым членом предложения: определением, сказуемым, подлежащим, дополнением, обстоятельством. Основное отличие формы на *-qui (-kui)* от формы на *-qu (-ku)* состоит в том, что первая была менее употребительна в предикативной функции — редко выступала в качестве окончательной формы сказуемого или входила в состав составного сказуемого.

Что касается формы на *-qun (-kun)*, то она встречалась реже по сравнению с двумя первыми и функционировала в основном как определение и сказуемое.

Главное различие в употреблении формы на *-qu (-ku)* в «Сокровенном сказании» и ее употреблении в современном монгольском языке состоит в том, что:

1) в языке монголов XIII в. будущее причастие могло применяться в значении прошедшего времени;

2) оно могло употребляться в качестве сказуемого и без связки, тогда как в современном монгольском языке оно обязательно сопровождается какой-либо связкой;

3) в отрицательных формах с будущим причастием употреблялась преимущественно частица отрицания *ulu* (совр. *ул*) и редко *ukai* (совр. *гуй*), тогда как в современном монгольском языке наблюдается обратное явление: будущее причастие употребляется преимущественно с отрицанием *гуй* и реже с *ул*.

В остальном значение и функции будущего причастия в «Сокровенном сказании» не отличаются от современных. В свое время проф. А. М. Позднеев писал: «Этот древний язык монголов имеет весьма мало различия и от современного нам разговорного монгольского языка, что за немногими исключениями он показался бы чистым и удобопонятым и для современных монголов»¹⁶.

¹⁶ А. М. Позднеев, О древнейшем китайско-монгольском памятнике Юань-Чао-ми-ши, СПб., 1884, стр. 21.

Эта форма, называемая причастием настоящего времени, или настоящим однократным причастием, отмечается во всех грамматиках монгольского языка¹⁷.

Она может обозначать качества, свойственные кому или чему-либо; как отглагольное имя обозначает лицо, выполняющее действие, выраженное в основе глагола.

В литературном языке это причастие имеет суффикс *-gčī (-gčī)*, который состоит из суффиксов **-g (-q)* и *čī*. Суффикс **-g (-q)* можно найти в отглагольных именах, например *bilig, öcig, icag, sürüg, surug* и др. В монгольские языки эти слова перешли из тюркских, где они являются исконными и образованы с помощью суффикса *-g*. В тюркских языках в этих словах суффикс *-g* не является больше живым¹⁸.

На монгольской почве этот суффикс снова стал продуктивным. В современном монгольском языке бытуют слова *бичиг* 'письмо' от *бич-* 'писать', *зураг* 'рисунок' от *зур-* 'рисовать', *чимэг* 'украшение' от *чим-* 'украшать', *тушиг* 'опора' от *туш* 'опираться' и т. д.

В старомонгольском языке возник комбинированный суффикс *-gčī*¹⁹. *-čī*, как известно, служит суффиксом образования имен, обозначающих профессию, например: *modučī* 'плотник' от *modun* 'дерево'.

В «Сокровенном сказании» причастие на *-gčī* встречается нередко, хотя оно менее употребительно по сравнению с будущим или прошедшим совершенным.

Являясь определением, оно характеризует предметы с точки зрения действия, обозначенного в основе глагола, например: *Tendeče Čingis-qaqan Van-qan qoyar qariju aisugui-tur, Naiman-o qatqulduqčī, Kokseu-Sabraq Baidaraq-beljir-e čerik jasaju, qatqulduqu bolun ajuu* (§ 159) 'Когда Чингис-хан с Ван-ханом тронулись в обратный путь, то оказалось, что найманский храбрец [войка] воинствующий Коксау-Сабрах на урочище Байдарах-бельчир приготовил войско и готовится дать им бой';

Daijiqčī Dair-ūsun edoe Orgon Selenje qoyar-un(jaura) Talqun aral-a beije (§ 105) 'Войска удирающий Даир-усун находится, должно быть, на острове Талхун-арал';

Cisutu tonaq abuqčī Jirkin baatud-i jisuju qubiyaju kurkeldun yadaba (§ 187) 'А кровавых разбойников (буквально: 'кровавый грабеж производящих') чжиргинских богатырей так и не могли полностью размельчить и разобрать';

Qamqulsun keiskui-tur, Qara hoai temečekčī Qaatai-Darmala edoe Qarači-keere bei je (§ 105) '(Теперь), когда по ветру развеивается желтая пыль (перекати-поле), поскорее поспешающий в лес Хаатай-Дармала находится, должно быть, в степи Харачжи'.

В приведенных примерах причастия *qatqulduqčī, daijiqčī, abuqčī, temečekčī* представляют собой выражения атрибутивности, характеризующие определяемые ими предметы с точки зрения того действия, которое обозначено в соответствующей основе производящего глагола.

¹⁷ Я. Шмидт, Грамматика монгольского языка, СПб., 1832, стр. 70; О. Ковалевский, Краткая грамматика монгольского книжного языка, Казань, 1835, стр. 105, 106; А. Воброуников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, Казань, 1849, стр. 136; В. А. Котоич, Лекции по грамматике монгольского языка, СПб., 1902, стр. 109.

¹⁸ G. I. Ramstedt, Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen, Helsingfors, 1903, S. 108.

¹⁹ Ibid., S. 103.

Как отглагольное имя, оно имеет также значение действующего лица. Например: *Deuner-iyen alağči bolba* (§ 177) 'Стал убийцей своих младших братьев'. Слово *alağči* обозначает лицо, совершившее действие, обозначенное в основе глагола. В предложении это причастие служит именной частью составного сказуемого. *Aqa deu ĵaura adaruğči tula Adarğın oboqtan bolba* (§ 46) 'Он стал родоначальником племени Адархин-сутяги из-за тех распрей, которые он заводил между братьями' [буквально: 'так как был задирой (сутягой) между братьями']; *Eme mini domoğči* (§ 201) 'Мать моя — болтунья'. Причастия *adaruğči*, *domoğči* обозначают действующее лицо по действию, указанному в соответствующей глагольной основе.

Суффикс *-qčĭ* может принимать показатель множественного числа *-n*. Однако в форме множественного числа причастие употребляется редко. Нам встретился только такой пример: *Tede ĵidatu ere-i-ĵiuĵu, čisutu tonog tonoğčĭn Uldutu ere-i huldeĵu Unaqaĵu alaĵu, ub tonog abuğčĭn Urunt Manqut keekdet tede* (§ 195) 'Это — так называемые Уруудцы и Манхудцы, которые, настигая, валяя с ног, убивают и ограбляют носящих мечи кровавых грабителей, которые осыпают проклятьями носящих копья'.

По мнению Г. Рамстедта, суффикс *-qčĭ*, образовавшись на старомонгольской основе, в новом языке стал опять непродуктивным²⁰. Что касается современного монгольского языка, то этот суффикс нельзя считать непродуктивным. Напротив, он является весьма продуктивным суффиксом образования имен, обозначающих действующее лицо, профессию, занятие, например: *удирдагч* 'руководитель' от *удирд-* 'руководить'; *төлөөлөгч* 'депутат', 'представитель' от *төлөөл-* 'представлять'; *ерөнхийлөгч* 'президент' от *ерөнхийл-* 'возглавлять'; *ухуулагч* 'пропагандист' от *ухуул-* 'разъяснять'; *унишгч* 'читатель' от *униш-* 'читать'; *тэмцэгч* 'борец' от *тэмц-* 'бороться' и мн. др.

ПРИЧАСТИЕ МНОГОКРАТНОЕ

Причастие многократное известно во всех монгольских языках и диалектах и является общемонгольской глагольно-именной формой — *помен verbum*²¹.

Это причастие в «Сокровенном сказании» встречается редко. Образуется оно при помощи суффикса *-daq || -dek* и обозначает действие, совершающееся обычно, повседневно. В нашем распоряжении всего два примера, в которых это причастие находится в определительной функции:

ĵamuga yabudag keletu bulee (§ 167) 'Чжамуха ведь перелетный болтун' (*yabudag* — 'постоянно, обычно ходящий');

Edoc tere kolme dabšiqui-tur kourkie-in daqu bolqaĵu, kokidek Togtoa Buura-keere bei je (§ 105) 'Теперь, когда у нас похлопывают чепраки (погоны), когда гремят у нас барабаны, задир и трус Тогтога находится, должно быть, в степи Буура' (*kokidek* — 'легко пугающийся', 'трус'; *kökikü* 'поощрять', 'возбуждать'; калм. *kökökü* 'подстрекать', 'задирать'; *köködeg* 'задира', 'зачинщик')²².

В современном монгольском языке это причастие употребляется не только в качестве определения, но и как сказуемое, со связкой и без нее, например:

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid., S. 91.

²² С. А. Козин, «Сокровенное сказание», М.—Л., 1941, стр. 535.

Аж ахуйдаа үлэмж орлого *олдогюм* (үн) 'В своем хозяйстве (постоянно) получают значительный доход'. Сказуемое выражено причастием *олдог* со связкой юм.

Малчин эмэгтэй Долгорсурэнгийн мал, тарга хүч сайтай төллөдөг учир сүү шим ихтэй, төл нь торниун сайн байдаг (үн) 'Так как скот у женщины-скотовода Долгорсурэн всегда бывает хорошо упитан и дает много молока, молодняк всегда бывает хороший и упитанный'. Здесь причастия *төллөдөг* и *байдаг* употреблены без связок и обозначают действие, совершающееся постоянно, обычно.

ПРИЧАСТИЕ ПРОШЕДШЕЕ НЕОКОНЧЕННОЕ ²³

Впервые об этом причастии упоминал в своей грамматике Я. Шмидт²⁴, говоря об особой форме причастия, которая употребляется только с отрицанием *йгеи* и нигде, кроме этого, не встречается. Более определенно высказывались по этому поводу А. Попов, А. Бобровников, А. Орлов²⁵ и авторы других монгольских грамматик. Все высказывания сводились к тому, что эта форма причастия 1) образуется в монгольском письменном языке посредством суффикса *-ya, -ge (-га, -гэ)*, а в разговорном языке — через долгий гласный *irege (ire)* 'приходивший'; 2) обозначает, что действие наступило и продолжается в момент, когда об этом идет речь, а следующее действие происходит одновременно с продолжающимся; 3) чаще всего употребляется с отрицанием *едий* 'еще не' или *йгеи* 'не' и обозначает в таком случае, что действие еще не совершилось, но должно совершиться.

По мнению Г. Рамстедта, эта глагольно-именная форма встречается не очень часто в халхаском языке, чаще в бурятском и южномонгольских диалектах, а также иногда в калмыцком языке²⁶.

Уточняя положение Рамстедта, А. Д. Руднев писал, что у восточных монголов, как и у калмыков²⁷, эта форма распространена крайне незначительно, и отметил ее наличие только в связи с отрицанием. Что касается бурятского языка, то в нем «эта форма — чуть ли не единственная для выражения прошедшего времени и употребляется как сказуемое главного предложения²⁸».

В тексте «Сокровенного сказания» имеется форма на *-yai*, что в транскрипции изображается как *-ai*, ибо «при передаче монгольских слов китайская транскрипция, как правило, считает пустыми, произносящимися, нулевыми и потому не подлежащими никакому изображению *γ, g, m* и *b*, когда они находятся в положении между двумя гласными, почему изображаются только эти последние»²⁹.

Некоторые монголоеды подчеркивали связь этого суффикса с суффиксом *-ya* прошедшего неоконченного причастия в письменномонгольском языке. Эта же самая мысль была подтверждена Рамстедтом, ко-

²³ Термин, предложенный А. Бобровниковым в его «Грамматике монгольско-калмыцкого языка», § 246.

²⁴ Я. Шмидт, Грамматика монгольского языка, стр. 94.

²⁵ А. Попов, Калмыцкая грамматика, стр. 165; А. Бобровников, Грамматика. . . , § 246; А. Орлов, Грамматика монгольско-бурятского разговорного языка, § 107.

²⁶ G. I. Ramstedt, Über die Konjugation. . . , S. 85.

²⁷ О том, что эта форма употребляется у калмыков очень редко, писал еще А. Бобровников (см. его «Грамматику. . . », § 248).

²⁸ А. Д. Руднев, Материалы по говорам восточной Монголии, СПб., 1911, стр. 222; его же, Хори-бурятский говор, т. LXXX, VIII, вып. 1, СПб., 1913—1914.

²⁹ С. А. Козин, «Сокровенное сказание», стр. 24.

торый установил звуковое соответствие **-a (-ʁa) ~ *-ai (-ʁai)*. Ср. *jabu-hai ~ jabuʁa*³⁰.

В «Сокровенном сказании» прошедшее неоконченное причастие встречается преимущественно с отрицанием *uduui ~ eduuye ~ uduuya* 'еще не' и обозначает, что действие еще не совершилось, но совершится или должно было бы совершиться. Оно может быть в предложении определением, например:

Kuun-ne-ber okde'ai-uduui okin ajuu (§ 7) 'Еще даже ни за кого не просватанная девушка'. В данном предложении причастная форма с отрицанием *uduui* является определением к слову *okin* 'девушка' и обозначает действие, которое еще не совершилось.

Qajaruṅ qola-i setkiju čerikun ulaa Turu'ai-uduuya qairala(t) qun. Kunesu-ben bara'ai-uduuya qičiatqun! (§ 199) 'Памятуя о дальней дороге, берегите у ратников коней их, пока они еще не изнурены. Берегите дорожные припасы, пока они еще не вышли'. Здесь причастные формы с отрицанием *Turu'ai-uduuya* 'еще не изнурены' и *bara'ai-uduuya* 'еще не кончились' обозначают действия, которые еще не совершились, но могут при определенных обстоятельствах совершиться.

Большинство причастных форм с отрицанием *uduuya-eduuye* имеет аналогичное значение и применение. Приведем для иллюстрации несколько примеров:

Čiykis-qaqan-i dūngadu'ai-uduue Borte-Ujin oroan dotora oṅdei ju sauju (§ 245) 'Чингис-хан не успел еще произнести ни слова, как Борте-Учжин привстала на постели';

Munda ala'ai uduuye oter qarüya! Keelduḷu qariba (§ 149) 'Не лучше ли поскорее повернуть назад, пока его еще не убили? И они вернулись домой';

Ešike-in šira olu'ai-joe'ai-eduuye eremšiju (§ 277) 'Чванится, еще не добыв и подлинного копыта';

Namai ala'ai-uduuye oter qaritqun! (§ 149) 'Пока меня еще не убили, поворачивайте назад';

Čiykis-qaqan-i bosu'ai-uduue oroan dotora bukuitur oroju (§ 245) 'Когда он вошел, Чингис-хан, еще не вставая, был в постели'.

Подтверждением звукового соответствия **-a (-ʁa) ~ *-ai (-ʁai)* может служить следующий пример: *Hoelun-eke-i dūngodu'a-eduuye Borte-Ujin ukulerun* (§ 118) 'Не успела еще Оэлун-эке слова молвить, как говорит Борте-Учжин'. Как видно, здесь вместо *-ai (-ʁai)* употреблено *-a (-ʁa)*. Ср. *dūngadu'ai uduuya* (§ 245, 256).

В тексте встретилось несколько случаев применения причастия в качестве сказуемого, например: *Yesukai Qiyan ire'ai keet* (§ 67) 'Есугай-Киян явился'; *Sartaul irkeno Soltani-doroidanlju bolagat irke ano abu'ai bida* (§ 260) 'Мы ниспровергли непокорствовавшего тебе Сартаульского Солтана и взяли его города и народ'.

Как уже указывалось выше, употребление прошедшего неоконченного причастия в этой функции характерно для бурятского языка.

Можно, правда, предположить, что в приведенных предложениях мы имеем первую изъявительную форму прошедшего времени на *-ba ~ -bai* (ср. **-na ~ -nai*), где *b* оказалось опущенным, согласно особенности китайской транскрипции, при которой согласный *b* в положении «между двумя гласными... часто подвергается закону стяжения, т. е. в китайской транскрипции трактуется как «пустая» буква. Например: *keesu, keeed ~ kemebesü, kemeged, iree ~ irebe*³¹. Ср. *bariqdaa* вместо

³⁰ G. I. Ramstedt, Über die Konjugation..., S. 79, 80, 86, 89.

³¹ С. А. Козин, «Сокровенное сказание», стр. 24.

bariqdaba (§ 53), *oisulaqdaa* вместо *oisulaqdaba* (§ 168), *ilaqdaa* вместо *ilaqdaba* (§ 244).

Однако следует обратить внимание на то, что изъявительная форма прошедшего времени на *-ba*, *-bai* является окончательной глагольной формой и не употребляется со связкой прошедшего времени *bulee* ~ *buleai*, сопровождающей причастия и придающей им дополнительное временное значение.

Следовательно, в предложениях: *Huirun bukui usun-tur Hululun bukui qal-tur oroqda'ai buleai* же (§ 204) 'Попал бы я в полую воду, да в жаркое полымя'; *Qačar qoa oki qatun eme-i, Qarqan sain aqta abčiraju, Oku'ai bulee je bi* (§ 179) 'Я представлял бы вам прекраснo-ланитных дев и жен, прекрасных статей меринoв³² — слова *oroqda'ai* и *oku'ai* являются причастными формами, которые со связкой *buleai* ~ *bulee* и частицей сомнения *je* обозначают, что при определенных условиях действия, обозначенные в глагольных основах *oroqda-* (страдательный залог от *oro-* 'войти', 'попасть', 'удодить') *oku-* 'давать', могли бы совершиться.

Нужно также учесть, что в «Сокровенном сказании» редки случаи, когда согласный *b* подвергается закону стяжения и трактуется как «пустая буква». Эти случаи ограничиваются, пожалуй, перечисленными выше словами *bariqdaa*, *oisulaqdaa*, *ilaqdaa*. Кроме того, изъявительная форма прошедшего времени имеет окончания *-ba* ~ *be* ~ *bi* и значительно реже *-bai* ~ *bei*.

ПРИЧАСТИЕ ПРОШЕДШЕЕ СОВЕРШЕННОЕ

Суффиксами этого причастия являются *-qсан*, *-ksen* — для единственного числа и *-qсат*, *-kсет* — для множественного числа. По мнению Рамштедта, они по происхождению своему исконно монгольские и самые древние³³.

Причастие прошедшего времени известно во всех монгольских языках и диалектах, имеет в них сходное значение и употребление³⁴ и характеризует действие, наступившее или происходившее в прошлом.

В предложении прошедшее совершенное причастие может быть определением, дополнением, подлежащим, сказуемым.

В «Сокровенном сказании» эта причастная форма наиболее часто встречается в роли определения к любому члену предложения. Примеры: *Čiqurqu-da talbiqсан qaraul-ača kuun haulju ireju* (§ 142) 'С караула, расположенного на урочище Чихурху, прибежал вестовой';

Bokleksen čisun-i Jelme šimin-šimin, amaan čisudaju (§ 145) 'Чжельме все время отсасывал запекшуюся кровь';

Mun jamuqa-in ile ima-i qardagsан harau-i mokoriulju okba (§ 200) 'И тут же на глазах у Чокамухи предал казни посягнувших на него аратов';

Čingis-qaqан qonqсан qajar-ača morilaju (§ 146) 'Чингис-хан выступил с места ночевки' (буквально: 'с места, где заночевали');

Sain Ečike-in čino quriyaqtaqсан ulus-i mano burino ulus abču noukderun (§ 73) 'Когда [те] откочевали, захватив с собою весь наш улус, улус, собранный твоим благородным родителем';

³² Э. Хейниш, правда, под вопросом, относит *oku'ai* к причастной форме (nomen imperf.) (см. E. Haenisch, *Mongol un niuca Tobča'an*, Leipzig, 1937, S. 144).

³³ G. I. Ramstedt, *Über die Konjugation . . .*, S. 88.

³⁴ Я. Шмидт, Грамматика монгольского языка, § 116; О. Ковалевский, Краткая грамматика монгольского книжного языка, § 119; А. Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, § 245; В. Л. Котвич, Лекции по грамматике монгольского языка, стр. 109; А. Орлов, Грамматика бурятского языка, § 1076; А. Попов, Грамматика калмыцкого языка, § 164.

Horene umere-eče kei boluasū, qarčiqai-bar bariyluqsan naqut qalaoudun odun hūsun ano burqaliq časun metu butaraǰu keisču iremu. Ende oire biyu je! (§ 31) 'При северо-западном ветре летят сюда, словно снежные хлопья по ветру, пух и перья гусей и уток, пойманных со-колом';

Tere aldaqsan kuun yeke dawu-bar: Bariya kuun albada! Keen qailaqai-tur (§ 82) 'Когда тот упустивший человек громко закричал: «упустил колодника»'.

Во всех примерах подчеркнутые причастия определяют предметы с точки зрения действия, совершенного в прошлом. Причем действие могло быть совершено самим определяемым предметом (*qardaqsan harau* 'посягнувшие араты'; *aldaqsan kuun* 'упустивший человек') и другим лицом (*qonoqsan qajar* 'место, где заночевали'; *quriyataqsan ulus* 'собранный улус'; *bariyluqsan naqut qalaoudun* 'пойманные гуси и утки').

Как и другие причастные формы, это причастие может иметь падежное оформление.

Прошедшее причастие в винительном падеже образует причастный оборот, выполняющий функцию прямого дополнения, например:

Managaru ukuleksen-i Udeji hударуасу; Ude-in ukuleksen-i Managar hударуасу, Hičele maga keekdeku-ele! (§ 246) 'Было бы недостойно и стыдно утреннее слово (буквально: 'то, что сказано утром') менять вечером, а вечернее слово (буквально: 'то, что сказано вечером') менять утром';

Basa yau keleleksen-i mino eserku sanos keeba (§ 121) 'А кроме того, преклоняй ухо к моим речам' (буквально: 'слушай против меня то, что говорилось').

Прошедшие причастия в винительном падеже: *ukuleksen-i* 'то, что сказано', *keleleksen-i* 'то, что говорилось' — обозначают действие, происходившее в прошлом.

В роли прямого дополнения могут быть также одиночные причастия без относящихся к ним членов, например:

Umartaqsan-i duratqaju, Untaraqsan-i seriulju (§ 255) '[Я буду] напоминать позабытое (то, что позабыл), [буду] будить уснувшее (погасшее)';

Oleksen-i čino Udur duli-de Ese kurkebe je bi! Turuqsan-i čino Sara-in jarim-a Ese kurkeba je bi (§ 177) 'Не давал я тебе голодать и до полудня, не давал я тебе бедовать и с полмесяца' [буквально: 'голодание твое... (то, что голодал) ...не допускал, отощание твое (то, что отощал) ...не допускал].

В этих предложениях прошедшие причастия в винительном падеже обозначают действие или состояние, которые имели место в прошлом.

Часто прошедшее причастие в винительном падеже употребляется с безличным притяжением, выражающим понятие «свой»:

Erten-o anda botulčaqsan-iyen duradulčan (§ 116) 'Стали [они] вспоминать свою старую дружбу, побратимство';

Čiykis-qaqan ukulerun: Daisun yabuqsan kuun alaqsan-iyen, qai-surqaqsan-iyen beye-en niuju (§ 147) 'Чингис-хан сказал: «Подлинный враг всегда таит про себя свое душегубство и свою враждебность»';

Qaqan-Ečike Mino, burino emune Dore kičieku kuun-e ulu uqan ösuleduksen-iyen serien buruušibe bi (§ 281) 'Признаю вину свою в том, что по неразумной мести погубил человека, который перед очами хана-родителя опережал всех в ревностном исполнении правды — торе'. Здесь в отличие от ранее приведенных примеров подчеркнутые причастия обозначают, что действие было совершено в прошлом самим подлежащим.

В других случаях это причастие представляет собой название лиц по тому действию, которое они совершали, например:

Je-deče qojidaqsan-i Jerke-deče qarqaya! (§ 108) 'Из строя вон тех, кто опоздал';

Edece bidan-tur ireksen-i yekin tein kemu či? (§ 85) 'Как ты можешь так говорить человеку, который сейчас к нам пришел?';

Auruut-tur qoçoruqsan-i tabin horan-o qubçan tonojui (§ 136) 'Из тех, что остались в Аурухе, чжуркинцы донага обобрали пятьдесят человек';

Qarbuçaju çaruqsan-i Qarbuju oroulqu bulee. Oqjatçu çaruqsan-i. Hontosaju oroulqu bulee (§ 244) 'Тех, кто в перестрелку вступал, тех покорял он стрельбою. Тех, кто робел перед битвой, выстрелом вверх забирал'. В этих примерах подчеркнутые причастия называют лиц по действию, совершенному ими в прошлом и обозначенному в соответствующей глагольной основе. Лица, обозначенные этими причастиями, являются в предложении объектами действия.

Прошедшее причастие в родительном падеже с послелогом *tula* 'для', 'ради', 'так так' образует причастный оборот, выполняющий функцию обстоятельства, например:

Quildar-Seçeno aman uride nekeksen-o tula Çingis-qaçan soyürqaçu jarliq bulurun (§ 185) 'Так как Хуилдар-Сечен раньше всех произнес слово преданности, Чингис-хан повелевал';

irke-orqa ino Van-qan-na abçu okuksen-o tula anda bolulçaqu tere (§ 150) 'так как людей и имущество отдал Ван-хану, они стали братьями';

Alaldaqui udur Ami-ıyan orekseno tula Ukuldukui udur Olumulenseno tula (§ 208) 'За то, что [он] в смертном бою жертвовал жизнью своей, за то, что в кровавых сечах не щадил живота'.

Здесь родительный падеж причастия с послелогом *tula* обозначает причину действия. Причинность может быть отражена и в том случае, если причастие не оформлено родительным падежом, например: *Ulus quriyaldun eçike-deçe orde jıur bolun, jıklulduju ulus quriyalduqsan tula çerbi nere okba je* (§ 212) 'Так как в собрании государства ты трудился, словно второе крыло у отца твоего, ты получил сан чербия'.

Чаще, однако, в таких случаях причастие стоит в родительном падеже.

С послелогом *qoına* 'после', *go* 'оно' будучи в родительном падеже, образует причастный оборот с временным значением, например:

Eke-yüen Alan-çoa ukai boluqsan-no qoına aqa-nar deu-ner tabuula adusun idee-ben qubiyaldurun (§ 23) 'После смерти своей матери Алан-гоа пятеро братьев стали делить между собою имущество';

Nenjiul oduqsan-o qoına Sorqan-Sıra ukuleruu (§ 87) 'Когда обыск окончился, Сорган-Шира говорит...';

Udeşi narau şıjkexsen-o qoına Belkutai darqi oğodur qonqor-tur tarbaqat açıju nısaqaljatala yabuğan kotolju ireba (§ 90) 'Вечером, после заката солнца, приходит Бельгутаи, шажком ведя за собой куцега бегунца савраску с навьюченными на нем тарбаганами'.

Один раз в тексте прошедшее причастие с послелогом *qoına* употреблено в значении относительного будущего времени, например: *Eyetur oroju Moñgoli içuası, içuqaqsan-o qoına basa busu setkil bida tende eyetuldut je* (§ 248) 'А когда монголы примут наши мирные предложения и уйдут, тогда мы поведем с ними иные речи'.

Причастие в дательном-местном падеже указывает на время совершения действия, например:

El alduqsan-tur, Yesukai-gan-lua anda keelduqsan ajuu (§ 150) 'Прежде, во времена Есугай-хана, когда они жили во взаимном мире, [Ван-хан] побратался с Есугай-ханом, и они стали андами';

Tumat-irkeno okit goastan qučin emes abtuqai, keen jarlig boluqsan-tur, Tumat-irkeno okit abqu, keen odqu bolun (§ 241) 'Когда издал указ, чтобы взял себе в жены тридцать самых красивых туматских девушек, он поехал за туматскими девушками';

Mun Nogai jil Čingis-qaqan ni Tatar-irken tur morilaqsan-tur Van-qan Merkit-irken-tur morilaju (§ 157) 'Когда Чингис-хан в год Собаки ходил на татар, Ван-хан ходил на меркитов'.

Иногда причастие в дательном-местном падеже обозначает причину действия, например:

Teykeri Qajar-a kuču nemekdejuj, Satraul-irkeni edui doroidaul-uqsan-tur, ba oloan, ere aqta čino bayasču maqaiju amui! (§ 260) 'Все мы и люди твои и кони радуемся и ликуем, ибо Небеса и Земля умножили силы наши, и вот мы сокрушили сартаульский народ';

Oere jorigsan-tur qoina olulčasu! keen (§ 265) 'Занятый другими мыслями, я решил посчитаться с тобою потом'³⁵;

Ese ugagsan-tur butuqai (§ 242) 'Прости же неразумному (буквально: 'не делай этого, так как не знал')'.

Прошедшее причастие в орудном падеже³⁶ обозначает причину действия, например: *Anbaqai-qaqan-no (ni?) Qadaan, Qutula qoyari, nereitėu ilekseer, qamıq Moŋqol Taičiut Onan-no Qorqonag-žubur quriyaju, Qutula-i qaqan bolqaba* (§ 57) 'Так как Амбагай-хаган в присланном известии назвал имена Хадаана и Хутулы, то все монголы-тайчиуды, собравшись на Ононском урочище Хорхонах-Чжубур, поставили хаганом Хутулу'.

В других случаях эта форма характеризует способ совершения действия, протекающего длительный период времени, например: *tere Kodolukseer Kodolju, Saari keer baouba* (§ 161) 'Все время двигаясь в этом направлении, остановимся и расположимся лагерем в Саари-Кеере'.

В предложении: *Edoe oerun oluqsan joeksen-iyer-iyen oerun miŋqan bolju turugan tur eyetulduju aqu či keen jarliq bolba* (§ 212) 'Ныне из тех [людей], что стяжал ты своими трудами, составила тысяча, тебе и править ею общим советом с Турханом' — сказал и отдал повеление, — причастия *oluqsan-joeksen-iyer-iyen* (буквально: 'своим приобретением — стяжанием — полученные') определяют результат действия какого-то лица.

В «Сокровенном сказании» встречаются предложения, где орудный падеж прошедшего причастия употребляется с послелогом *yosuuar* 'согласно чему-либо', представляющим собою также орудный падеж от слова *yosun* 'обычай', 'правило', 'порядок', например: *Uridu ečike-tur mino anda keeldukser yosuuar Tuula-in Qara-tunne bida qoyarum ečike koun keelduksen yosun tere ulu-u bi?* (§ 177) 'И разве в то время не состоялся у нас обряд усыновления в Тульском Темном Бору по примеру прежнего твоего братания с моим родителем?'

Чаще, однако, прошедшее причастие перед послелогом *yosuuar* не оформляется орудным падежом, например:

Čingis-qaqan uridu Yesukai-qan-lua anda keelduksen yosuuar Tagai-Baatur, Sukekai-Žeun qoyar-i elči ileet (§ 151) 'Чингис-хан в силу братского

³⁵ Ср. в переводе «Сокровенного сказания» на современный язык В. Дамдинсуруна: *jorigsan tula* 'так как стремился'.

³⁶ Собственно, эта форма называется в монгольских грамматиках «продолжительным деепричастием». Но еще А. Бобровников отмечал, что по происхождению своему она является творительным (орудным) падежом прошедшего причастия, у которого выпадает *-н* конечное (см. А. Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, стр. 145, § 262).

договора с Есугай-ханом послал к нему двух послов, Тахай-Баатура и Сукегай-Чжеуна’;

Urida erte udur Yesukai-gan eĭike-lue Van-qan anda keelduksen yosuuar eĭike metu keeju, eĭike koun keeldukui yosu teimu (§ 164) ‘Наподобие того, какие слова произносились некогда при обряде братания Ван-хана с отцом Есугай-ханом, также и теперь обряд усыновления таков’.

Выступая в качестве сказуемого, прошедшее причастие обозначает действие, происходившее в прошлом. Употребляется оно как со связкой, так и без нее, являясь в этом случае окончательной формой сказуемого. Например, со связкой прошедшего времени *bulee*:

Erte udur-eĭe Tatar irken Ebukes-eĭikes baraqsan bulee (§ 154) ‘С древних времен татары губили (наших) дедов и отцов’;

Onan-na tun-tur qulinlaqui-tur Belkurai-in muru qanqas ĉabĉiqsan tere bulee (§ 50) ‘Это он-то и рассек Бельгутаю плечо на пиру в Ононской дубраве’.

Со связкой прошедшего времени *aĵuu*:

Bargujin goa neretai okin ni, Qori Tumadun noyan Qorilartai-Merkiane okdeksen aĵuu (§ 8) Дочь ‘Баргучжин-гоа была выдана замуж за хорилартай-мергана, нойона Хори Туматского’;

Qara-Qitadun Kur-qan-tur oduqsan aĵuu (§ 151) ‘Ван-хан ушел к Хара-Китадскому Гур-хану’.

Причастие может быть сказуемым и без связки, например:

Erte modun-i koser-e ooruksan; jaqa — daqi Jarbiyal modun-i jaitauluksan, ta! (§ 146) ‘Вы бросили наземь шейное тяжкое древо [мое], вы удалили на ворота висевшее древо — джарбиал [колодку]’;

Nouukui-tur Ese unĵiksen; Unĵikui-tur ese nouuksen; Bosu kuun-lue Busu niur Ese jubĉiksen, ošitu kuun-lue oere niur Ese jubĉiksen (§ 210) ‘Когда кочевал, не отдыхал, когда отдыхал, не кочевал, с гордым (знатным) человеком в другую личину не рядился (не менял лица); с человеком-врагом лица не ронял’.

Как известно, в современном монгольском языке прошедшее причастие также может употребляться в качестве сказуемого без связки, например: *Ийм учраас тэр шулгийн нэрийг засаж, «эрүүл ба жаргал» «гэж сольсон»*³⁷ ‘Поэтому название того стихотворения было исправлено и заменено на «Здоровье и счастье»’. Несколько иначе обстоит дело в бурятском языке. Как пишет проф. Г. Д. Санжеев, прошедшее причастие там почти не применяется без связок — *байна, байгаа, бэлэй, бээ* и других, — если не считать шаманские гимны и призывания, в которых преобладают именные сказуемые³⁸.

В «Сокровенном сказании» прошедшее причастие встречается также с вспомогательным глаголом в форме условного деепричастия, образуя обстоятельственный оборот с условным значением, например:

Tan-i qat boluksan boesu oloan dain tur alqinĉi naulqagdaasu (§ 179) ‘Но если бы ханами сели вы, то на всех врагов ваших я стремился бы в первых рядах, как передовой’;

Tano teimu aburi ugagsan boesu Jamuqa, Altan Quĉar tan-o bolqagdaqun buleai ta! (§ 246) ‘Если б я знал о таких ваших повадках, с вами поступили бы [по образцу] Чжамухи да Алтана с Хучаром’;

Sanĵum-i ese širqaqsan boesu, yambar maga bolqun buleai bidal (§ 208) ‘Если бы Сангума не ранили, ведь известно, как повернулось бы дело’.

³⁷ Из предисловия к литературному сборнику Д. Нацагдорж, Улан-Батор, 1956, стр. 5.

³⁸ Г. Д. Санжеев, Грамматика бурят-монгольского языка, стр. 73, 139.

Прошедшее причастие, обозначая конкретное действие, совершенное каким-либо лицом, выступает в предложении подлежащим, например: *Ene bulqalduqsan jirkin-o Qadaq-Baatur ajuu* (§ 185) 'Этот сражавшийся был чжиргинский Хадаг-Баатур'. Здесь причастие *bulqalduqsan* 'сражавшийся' обозначает лицо, совершившее в прошлом определенное действие. Обычно, если причастие является подлежащим, оно сопровождается личным притяжением, которое в данном случае опущено³⁹.

Причастие может обозначать не лицо, характеризующееся каким-то действием, а само действие, происходившее в прошлом, например: *Mekuŋin-Seultu-i gansaŋu alaqsan tano Altan-qan-e maŋi yeke tusa kiba ta* (§ 134) 'Вы оказали Алтан-хану величайшую услугу тем, что присоединились и убили Мегучжин-Сеульту'. Здесь причастие выражает определенное действие: тем, что убили, оказали величайшую услугу. Причастие сопровождается личным притяжением *tano*, указывающим, что действие произошло не само по себе, а совершенно какими-то лицами.

* * *

Прошедшее причастие может иметь форму множественного числа. Суффиксами множественного числа являются *-qsat (d)*, *-kset (d)*.

Форма множественного числа употребляется перед определяемым словом, обозначающим множество или совокупность предметов, например: *Burqan-ni qučilduqsat qurban jaut Merkidi* (§ 112) 'Триста меркитов, которые совершили внезапный налет на Бурхун';

Činŋis-qaqan časutu deere juŋaŋu, Aša-Kanbulie awlalaqsat daijigsat Tayudi, čerint ileŋu onoqsar ulittlele talaulba (§ 266) 'Проводя лето в снежных горах, Чингис-хан, разслав отряды, приказал до конца выловить тех тангутов, которые отступили и забрались в горы вместе с Ата-Гамбу';

Tus qan-iyen qarduqsat haran-i tan-i uruq-iyer mokoriuldekuŋ bulee ta! (§ 149) 'Я должен бы был вас казнить со всем родом вашим как холопов, наложивших руки на своего природного государя';

Tande Van-qan ein ukuletdukset Elkutur, Qulbari, Arin-taije tan deuneriyen noyadiyen bariuljuui (§ 152) 'Ван-хан тотчас взял под стражу Эльхутура, Хульбари, Арин-Тайчжия и других младших своих братьев и нойонов, разговаривавших между собой'.

Причастие во множественном числе может обозначать лицо, характеризующееся действием, которое оно совершило, например:

Ulus bayiululčan yabulduqsat-ta miŋqan miŋqalaŋu Miŋqadun Noyat tuŋiŋu soyürqal uke ukulesul Keen jarliq bolba (§ 202) 'Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать нойонами-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мною в созидании государства' (буквально: 'создавшим государство');

Qol-ača qarugsad-i Kuyük aqalatuqai keen jarliq bolba (§ 270) 'Над выступившими из центрального улуса начальствовать будет Гуюк';

Ulus baiululčaqsat jobolduqsad-i Miŋqadun Noyat bolqaŋu (§ 224) 'Он поставил нойонами-тысячниками (людей), создававших (вместе с ним) государство';

Ker-tur ireju oroqii-lua, Ujin-eke qoyar kouked-uen čirai uqaŋu ukulerün: «Baraqsat» (§ 78) 'Как только они вернулись домой, мать Учжин сразу же поняла все по лицам своих сыновей и сказала: «Душегубцы!»';

³⁹ Ц. Дамдинсурун в переводе «Сокровенного сказания» на современный монгольский язык после причастия употребляет личное притяжение *ану*: *Иңги бэйл-дугсан ану джиргэн у Хадаг Багатур бэйгесан аджогу* 'Таким образом, сражавшийся был чжиргинский Хадаг-Баатар'.

Onkur Alqai qoyar oküksed-i ino abulaa! (§ 252) 'Онгур с Аргаем приняли его подношения'.

В последнем предложении прошедшее причастие во множественном числе обозначает совокупность предметов как результат действия. Значительно реже эта форма встречается в качестве сказуемого как в главном предложении, так и в причастных оборотах.

Все же такие примеры имеются, например:

durberun keudiyen ulu saan talbiqsat ajuu (§ 145) 'убегая второпях, [они] бросили своих кобыл недоенными';

Qan-iyen Tarqutai-i gardaǰu irekset boesu tus qan-iyen gardaqsat haran-i tan-i uruq-iyar mokoriuldekun bulee ta (§ 149) 'Я должен был бы вас казнить как холопов, наложивших руки на своего государя, если бы (вы) пришли (ко мне), наложив руки на Таргутаю';

Alaq Nayaa tan Širkuetu-ebuken-o kout ino heitukset ireba (§ 149) 'Тогда подъехали сыновья Ширгуету-Эбугена — Алах и Наяа'.

Употребление прошедшего причастия во множественном числе отнюдь не всегда предполагает наличие определяемого или другого какого-либо члена во множественном числе.

Так, в предложении: *Ulus quriyaan jobaqsat Eke buyu ǰe* (§ 242) 'Матушка больше всех потрудилась над созданием государства' — определяемое *Eke* 'мать', 'матушка' стоит в единственном числе, тогда как определение к нему выражено прошедшим причастием во множественном числе.

С другой стороны, если определяемое слово и стоит во множественном числе, то определение не всегда имеет форму прошедшего причастия во множественном числе. Это относится также к сказуемому и другим членам предложения: при наличии множественного числа причастие может иметь форму единственного числа. *Van-qan-ečike-de ukulekset ukēs-iyen serēulǰu* (§ 200) 'Раскрыл слова, сказанные Ван-ханом'. Определяемое *ukēs* 'слова' и определение *ukulekset* 'сказанные' стоят во множественном числе. *Ukuleksen ukēs mino ulu umartan* (§ 201) 'Не забывайте сказанных мною слов'. Здесь определяемое *ukēs* 'слова' стоит во множественном числе, а определение *ukuleksen* 'сказанные' — в единственном числе. *Qarčiqai-bar bariyluqsan nagut* (§ 31) 'Утки, пойманные соколом'. Определяемое *nagut* 'утки' — во множественном числе, а определение *bariyluqsan* 'пойманные' — в единственном числе *Itqagsan baatud* 'отборные войска'; здесь определяемое слово во множественном числе, а определение — в единственном.

Итак, текст «Сокровенного сказания» свидетельствует о том, что употребление и функции прошедшего причастия в языке монголов XIII в. в основном не отличаются от современных. Разница состоит лишь в том, что в современном монгольском языке прошедшее причастие редко употребляется во множественном числе. Это причастие имеет форму множественного числа лишь тогда, когда оно субстантивируется и употребляется для обозначения множества, например: *ирсэд* 'приехавшие'.

